

УДК 800.1

Н.В. Мальчукова

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Рассматриваются возможности аналитической философии (философии логического анализа и лингвистической философии) в формировании общей теории языка. Ограниченность возможностей методов логического и лингвистического анализа языка связывается с изоляционизмом соответствующих им представлений о языке, выражающимся в рассмотрении языка изолированно от его существенных характеристик и составляющих. Утверждается, что вследствие этого аналитическая философия языка существует в состоянии своеобразного парадокса, когда, имея методологический аппарат языкового анализа, она не предлагает релевантное теоретическое объяснение языка. Концептуально-методологический синтез определяется как возможность преодоления изоляционизма в анализе языка и построения его общей теории. Перспективы развития аналитической философии как философии языка связываются со сменой ее методологических установок.

Ключевые слова: аналитическая философия, философия языка, философия логического анализа, лингвистическая философия, теория и методология.

Язык является сложной, самоорганизующейся системой, начало исследованию которой было положено еще в античной философии, характеризующейся выраженной гносеологической направленностью в его понимании как средства познания и мышления. Данная характеристика сохраняет свою значимость на протяжении исторического развития языковедческой проблематики в западноевропейской философии, а начиная с конца XIX в. своеобразно проявляет себя в рамках аналитической философии, которая приобретает статус философии языка и как таковая представляет альтернативу другим философским программам его исследования, например постмодернистской.

Отличительными особенностями аналитического подхода к языку, как известно, стали требования точности, ясности, логичности языкового анализа, критическое отношение к метафизической проблематике и пристальное внимание к факту вообще и к языковому факту в частности. При этом на всех этапах развития аналитической философии проблема истины, истинности языковых высказываний и ее условий продолжает оставаться одной из центральных проблем исследования, хотя и получает разную интерпретацию. Это зависит от того, как понимается язык в его сущностных характеристиках, как решается вопрос его взаимосвязи с мышлением, какие методы его анализа используются и развиваются. Своеобразную основу методологии аналитической философии как философии языка в настоящее время составляют методы логического и лингвистического анализа во всем многообразии их проявлений. Если учитывать задачи, которые, начиная со второй половины XX в., ставит перед теорией и философией языка развитие техники и технологий, например систем информационно-интеллектуального или интеллект-

ного управления [1], актуальным является вопрос об эффективности методологии аналитической философии, ее возможностях и перспективах как философии языка. Представляется справедливым утверждать, что поиск ответа на данный вопрос следует начать с анализа условий формирования и развития логического и лингвистического методов, каждому из которых соответствовала бы определенная аналитическая философская программа. Если для метода логического анализа она нашла выражение в философии логического анализа, то для метода лингвистического анализа – в лингвистической философии или философии языка.

Философия логического анализа развивает формирующийся еще в античной философии атомистический подход к языку. Согласно данному подходу центр изучения – не язык как целостная система и не высказывание как некая целостность, а отдельные слова или высказывания, выступающие некими атомарными, предельными структурами, составляющими основу языка и являющимися изоморфными миру, т.е. представляющими факт как таковой. Поиск и выявление этих структур, которые сделают возможным, таким образом, построение совершенного, идеального языка, выступают одной из основных задач в философии логического анализа. Методом же, который позволит осуществить это выявление, становится метод логического анализа языка, поскольку утверждается, что именно применение аппарата логики позволит установить и устранить неоднозначность языка, проявляющуюся в неточности, расплывчатости терминологии, наличии парадоксов, нетождественности грамматической и логической форм языкового выражения. Реализуя логический анализ языка, Г. Фреге провел, в частности, важное для понимания особенностей языкового знака и характеристик языка различие между значением (объектом действительности, обозначаемым знаком, т.е. денотатом) и смыслом (мыслью, понятием, которое связано со знаком). Проведя такое различие, Фреге затем, как известно, отмечает: один и тот же объект может быть обозначен разными именами – *ученик Платона* и *Аристотель*; одно значение может нести разный смысл – *Аристотель* «ученик Платона» и «учитель Александра Великого»; любому грамматически правильному выражению, выступающему в роли имени собственного, всегда соответствует некоторый смысл, однако не всякому смыслу соответствует некоторый денотат, например, *Одиссея высадили на берег Итаки в состоянии глубокого сна* [2. С. 183, 184, 189]. Таким образом, Фреге непосредственно демонстрирует проявления неоднозначности языка, что, несомненно, должно быть оценено положительно. Однако в целом развивающаяся в философии логического анализа логицистская установка привела к фактическому отождествлению логического суждения и предложения, а, кроме того, к развитию дуализма в решении проблемы взаимосвязи языка и мышления, когда язык и мышление в своей реализации стали рассматриваться как некие параллельно протекающие процессы, а язык – как «одежда» мышления, которая скрывает, искажает самую его суть и форму. В этом смысле показательно высказывание Л. Витгенштейна: «Язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаружить форму тела. Молчаливые соглашения для понимания разговорного языка чрезмерно

усложнены» [3. С. 44]. Не менее показательны в этом отношении также высказывания Г. Фреге и Б. Рассела. Фреге, например, писал: «Мое положение несколько хуже, чем, например, положение минералога, который может показать своему собеседнику горный кристалл. Я не могу вложить в руки своим читателям мысль и попросить их хорошенько рассмотреть ее со всех сторон. Я должен удовлетвориться возможностью представить читателю мысль, саму по себе вневещную, в чувственной оболочке. При этом образность языка создает некоторые затруднения. Чувственное неизменно вторгается в область вневещного, сообщая выражениям образность и, следовательно, неточность. Так возникает борьба с языком, вынуждающая меня заниматься лингвистическими проблемами, хотя это, вообще говоря, не входит в мою непосредственную задачу» [4. С. 30]. А Рассел подчеркивал: «Беда рода человеческого в том, что он выбрал одно и то же слово *is* для выражения этих двух столь различных идей (слово *есть* может употребляться и в смысле связи, и в смысле тождества. – Н.М.)» [5. С. 46].

Следует заметить, что логическое направление в аналитической философии, реализуя логицистскую установку в объяснении природы языка и его взаимодействия с мышлением, стимулировало развитие логической семантики, теории референции, проблем истинности языковых высказываний. Однако в то же время, как следствие, акцентируя негативные моменты проявления субъективности в языке, оно фактически игнорировало тот факт, что язык не существует вне субъекта и его деятельности во всех ее проявлениях, т.е. тот факт, что язык является субъектным по своему происхождению и внутренним характеристикам. Осознание ограниченности логического подхода к анализу языка уже самими его представителями (например, Л. Витгенштейном) стимулировало, как известно, развитие лингвистического направления в аналитической философии, предметом анализа в котором стал обыденный язык в его повседневном функционировании.

Лингвистическая философия, или философия обыденного языка, сконцентрировавшись на непосредственном его употреблении, стала развивать одну из влиятельных концепций значения – концепцию значения как употребления или функционалистскую концепцию значения. Формирование такой концепции было обусловлено тем, что язык в данном случае стал рассматриваться как один из видов человеческой деятельности, который, будучи включенным в ее систему, не может быть понят без учета внеязыкового контекста, внеязыковой ситуации. Считая, таким образом, что контекст всякий раз играет решающую роль при формировании значения, Л. Витгенштейн [6] приходит к пониманию значения как употребления. Именно употребление, достаточно справедливо утверждает философ, превращает последовательность звуков или какие-либо знаки вообще в язык, который он далее сравнивает с игрой. По мысли Витгенштейна, любой естественный язык представляет собой не что иное, как соединение, совокупность самостоятельных, независимых друг от друга языковых игр. При этом значение языковых знаков зависит от того, в какой именно языковой игре они употребляются, а правила каждой конкретной языковой игры устанавливаются, фиксируются традицией. Таким образом, для Витгенштейна и его последователей прагматический компонент составляет ядро и сущность языкового значения, при этом его на-

личие, образование и функционирование философ связывает с употреблением, с контекстом.

Показательно, что и проблема истинности языковых высказываний в данном случае также решается с учетом употребления языка. В отличие от философии логического анализа, где утверждалось, что разного рода заблуждения, которые усваивает человек через язык, связаны с несовершенством языка, которое проявляется в его неоднозначности, в лингвистической философии утверждается, что такие заблуждения обусловлены неправильным употреблением языка. Выступая против всяких тенденций к унификации естественного языка, считая логически совершенный язык лишь одной из возможных «языковых игр», лингвистическая философия одной из основных своих задач, таким образом, видит выявление правил употребления языка, языковых выражений, а методом, который наиболее эффективно позволит это осуществить, – метод лингвистического анализа, т.е. анализа непосредственного употребления языка, представленного как концептуальным анализом, так и логическим анализом речевых актов. Как известно, применение метода лингвистического анализа способствовало развитию теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль), выявлению прагматических пресуппозиций (Дж. Урмсон) и правил общения (Г.П. Грайс, Э. Лич), введению понятия имплицатур речи (Г.П. Грайс), что не только расширило философские горизонты в понимании языка и языковой деятельности, но и существенно обогатило современную лингвистическую прагматику, социолингвистику, риторiku. В то же время следует заметить, что ориентация на непосредственный анализ языка в лингвистической философии оказывается тесно связанной с антипсихологизмом. В данном случае антипсихологизм находит выражение в отвлечении при анализе языковых знаков в их употреблении от внутреннего плана сознания/мышления, от внутренних психических процессов, от деятельности мозга и т.д., а также в утверждении того, что прояснение работы сознания/мышления дается преимущественно анализом языка в его непосредственном употреблении [6]. Как антитеза ментализму, в соответствии с которым сознание приобретает субстанциальные характеристики, такая установка должна быть оценена положительно, однако вместе с тем необходимо иметь в виду, что она приводит, с одной стороны, к тому, что становится практически невозможным преодоление тавтологического понимания языкового употребления, когда значение выражений объясняется их употреблением, а употребление – самым конкретным употреблением; с другой стороны, к тому, что существенно затрудняется предотвращение превращения лингвистической философии в своеобразную лексикографию.

Несмотря на то, что философия логического анализа и лингвистическая философия имеют существенные отличия в своих установках, их объединяет такая общая черта, как абстрагирование одних черт языка от других (изоляция) в истолковании языка. Ведь если философия логического анализа не учитывает субъектность языка, то лингвистическая философия абстрагируется от роли внутренних психических процессов в речевой деятельности субъекта, и оба эти направления аналитической философии не учитывают образную, образно-чувственную составляющую языка. В результате язык в этих направлениях представлен неполно и усеченно. В настоящее время дос-

таточно очевидной является нерелевантность подобных воззрений на язык, однако означает ли это неприменимость методов анализа языка, которые сформировались на базе этих воззрений? Следует ответить, что не означает.

И метод логического анализа языка, и метод лингвистического анализа и в настоящее время сохраняют свою значимость при решении конкретных задач, например задач логической семантики, теории референции, теории речевых актов и др. Но эти методы не могут восприниматься как универсальные, в необходимой полноте раскрывающие сущность и основы функционирования языка. Ограниченность возможностей данных методов в анализе языке обнаруживается не только нерелевантностью теорий, которым они соответствовали, но и практическими требованиями, предъявляемыми к теории и философии языка современной технической наукой, реализующей развитие систем интеллектуального управления.

Необходимо заметить, что развитие систем интеллектуального управления со всей очевидностью показало, что различия между естественным языком и языками программирования во многом обусловлены «глобальными различиями в организации и функционировании управляющих устройств в искусственных системах и в живом мозге» [7. С. 29]. Человеческий способ познания мира в отличие от компьютера характеризуется наличием двух параллельных, совместно работающих, слитых воедино систем познания: рассудок, интеллект или символично-логическое мышление; система восприятия и образного мышления. Если в моделировании символично-логической составляющей уже имеются определенные успехи и не последнюю роль в их достижении сыграли исследования в рамках философии логического анализа, то проблема возможности моделирования образного или интуитивного мышления находится в начальной стадии разработки, как и проблема возможности моделирования их синтеза. Решение же данных проблем требует разработки соответствующей теории языка и методологии его анализа, которые позволили бы избежать изоляционизма упомянутых (существующих) теорий.

Стремление преодолеть подобный изоляционизм реализуется, в частности, в формирующейся в 1970-е гг. аналитической философии сознания, где развивается представление о том, что без обращения к явлениям сознания и мыслительных процессов вряд ли возможно адекватное объяснение природы языка и его многообразных реализаций. Иными словами, изгнание психологизма, ранее имевшее место не только в логическом и лингвистическом анализе языка, но и в теоретической лингвистике, сменяется реабилитацией его методологических возможностей.

Как шаг на пути к преодолению тавтологического понимания языкового употребления (когда значение выражений, как уже упоминалось, объясняется их употреблением, а употребление – самим конкретным употреблением (например, в работах позднего Л. Витгенштейна)) это явление заслуживает положительной оценки. Однако вместе с тем следует заметить, что оно приводит к возникновению новых тавтологий.

Например, в теории интенциональности Дж. Серля [8] порождение конкретных высказываний объясняется как инициируемое состоянием убежденности, желательности, ощущения. Но говорить о желаниях, ощущениях, а тем

более убеждениях и намерениях применительно к человеку, считая их чем-то принципиально внеязыковым, недопустимо. А если это так, то в случае Серля языковое поведение объясняется сознательно-языковыми факторами и состояниями. Но тогда, чтобы избежать тавтологии, необходим дополнительный анализ лингвистического статуса этих состояний и механизмов их взаимосвязи с конкретными речевыми актами. Очевидно, что такой анализ не может быть ограничен только логическими или лингвистическими методами и требует для своего осуществления реализации концептуально-методологического синтеза, т.е. привлечения семиотического, информационно-кибернетического, эволюционно-генетического методов.

Применение семиотического метода позволяет определить язык как знаковую систему, выполняющую информационно-моделирующую и коммуникативную функции. Также необходимо отметить, что семиотической разработкой понятия «язык», учитывающей общезнаковую основу любого реального языкового образования, воспроизводится более богатый и конкретный уровень системности языка, представленной единством трех аспектов – синтаксического, семантического и прагматического. Как следствие, вполне правомерным выглядит включение в понятие «язык» взаимосвязи языковых явлений в виде своеобразного континуума, составляющими которого являются внутримозговые коды (язык сенсорного воспроизведения действительности, рефлекслируемый образный язык, бессознательно-образный язык), вербальный язык общей коммуникации и его художественная составляющая, язык науки в рамках естественно-технической и гуманитарной коммуникации.

Конечно, на первый взгляд утверждение о том, что сенсорный уровень воспроизведения действительности может реализовывать семантические, синтаксические и прагматические отношения, выглядит несколько неожиданным. Однако имеющиеся психофизиологические данные и результаты исследований физиологии высшей нервной деятельности [9–12] позволяют с достаточной определенностью говорить о наличии в сенсорно-перцептивном коде всех трех семиотических измерений. Согласно этим выводам, если определенные нейродинамические последовательности в рамках данного кода уже на уровне чувственного отражения животных можно считать означающей стороной «языков» мозга, то передаваемая этими последовательностями информация вполне может быть отождествлена с семантикой. Определенный порядок «считывания» параметров внешних стимулов, а также формирования нервной модели поведения в коре мозга образуют синтактику нейродинамической схемы реальной жизнедеятельности живой системы. Что касается прагматики кодов сенсорно-перцептивных реакций, то она также проявляет себя уже в высшей нервной деятельности животных на уровне ощущений и восприятий (который подобен человеческому). Так, например, можно утверждать, что разного рода ощущения и восприятия формируются на основе сравнения («оценки») импульсов, содержащих данные об окружающей среде с возможными параметрами, хранимыми в памяти, и с кодами установки живой системы. В результате чего выстраивается нейрональная модель предпочитаемого будущего и осуществляется «выбор» поведения. Следует заметить далее, что, представляя язык в единстве его континуумных составляющих как тройственное отношение (единство

синтаксиса, семантики и прагматики), семиотика органично связана и с системным подходом, и с теорией информации.

Существующие данные теории информации, составляющие базу информационно-кибернетического метода, позволяют определить термин-понятие «информация» как такое содержание, представленное в знаково-сигнальной форме, которое, во-первых, инвариантно по отношению к кодовым преобразованиям (изменениям сигнально-кодowego материального носителя); а во-вторых, способно изменять поведение системы-получателя сигналов в сторону повышения упорядоченности. С этими определениями связано также представление о том, что, будучи универсальным (своеобразным) свойством материального мира, феномен информации наибольшего своего проявления достигает именно в функционировании сознания и языка, вследствие чего последние выполняют в жизнедеятельности человека как информационно-моделирующую функцию, так и функцию управления.

Что касается эволюционно-генетического метода, то его применение позволяет представить язык как динамический феномен в единстве диахронического и синхронического аспектов. Это действительно важно, потому что ведущие тенденции эволюции, проявляясь в трансформации структурных и функциональных сторон языка, оформляются как раз в те свойства реальной языковой системы, которые при соответствующем синхронно-логическом анализе могут стать основой его научной модели, призванной объяснить как настоящие, так и перспективные реализации языка.

Данные методы в своей совокупности, таким образом, оформляют и развивают концептуальные представления о языке как о динамической знаковой системе, выступающей одновременно и средством информационного моделирования мира, и средством общения, управления и самоуправления. Представление о языке как своеобразном континууме знаковых систем, развиваемое в рамках данной концептуальной схемы, позволяет рассматривать языковые и мыслительные процессы как протекающие в постоянных взаимодействиях и взаимоопределении. Причем такое взаимоопределение оказывается важным как в диахроническом аспекте, когда ведется речь о генезисе языка и мышления, так и в синхроническом, когда ведется речь о порождении высказываний.

Конечно, при этом следует учитывать, что вербальный язык является самой совершенной частью языкового континуума и оказывает существенное влияние на мышление использующего его субъекта в онто- и филогенезе. В этом смысле показательно высказывание А.А. Потебни: «Не следует, однако, забывать, что умение думать по-человечески, но без слов, дается только словом и что глухонемой без говорящих или выученных говорящими учителями век оставался бы почти животным» [13. С. 146]. Однако вместе с тем необходимо иметь в виду и обратное влияние невербального мышления на язык, и здесь оказываются значимыми представления о внутримозговых кодах (язык сенсорного воспроизведения действительности, рефлекслируемый образный язык, бессознательно-образный язык) как составной части языкового континуума. Саму возможность взаимоопределения и взаимоперехода языка и мышления следует искать в генетических связях между частями языкового континуума, о каковых, например, позволяет говорить наличие у сенсорно-

перцептивных кодов таких семиотических измерений, как семантика, синтаксис и прагматика, которые выраженное представительство получают в вербальном языке. Выявление этих связей, механизма их действия, их роли во взаимосвязи языка и мышления, конечно, требует отдельного анализа [14], однако и на основании изложенного представляется справедливым утверждать, что предложенный концептуально-методологический синтез позволяет, с одной стороны, преодолеть изоляционизм, проявляющийся в теориях языка, сформированных в рамках философии логического анализа (рассмотрение семантики и синтаксиса исключительно с логических позиций, игнорирование субъектности языка, параллелизм мышления и языка) и философии лингвистического анализа (абсолютизация прагматического аспекта в языке, исключение внутренних психических процессов при анализе речевой деятельности субъекта, интерпретация языка как совокупности не связанных между собой языковых игр), а с другой – избежать тавтологии в объяснении процесса порождения высказываний, реализующейся в рамках аналитической философии сознания.

Преодоление изоляционизма становится возможным, так как синтетический концептуально-методологический подход, позволяя применение спектра методов к анализу языка (от логического метода до эволюционно-генетического), позволяет рассматривать язык в единстве его многообразных проявлений и в единстве синтаксических, семантических и прагматических отношений. Учитывая многообразие проявлений языка, а также его взаимообусловленную связь с мышлением, данный подход позволяет избежать как параллелизма, так и антипсихологизма в истолковании этой связи и делает возможным рассмотрение языка как продукта субъектной деятельности. Кроме того, синтетический концептуально-методологический подход, открывая возможности для прояснения лингвистического статуса состояний убежденности, желательности, которые в теории интенциональности Дж. Серля предстают иницилирующими порождение конкретных высказываний, позволяет преодолеть реализующуюся в ней тавтологию [15].

Перечисленное, таким образом, демонстрирует определенные достоинства предложенного синтетического концептуально-методологического подхода. Вместе с тем совершенно очевидно, что, являясь принципиально междисциплинарным (здесь учитываются данные, в частности, физиологии высшей нервной деятельности, нейрофизиологии, зоопсихологии, когнитивной психологии, лингвистики, логики), этот подход выходит далеко за пределы собственно аналитической философии языка, которая в настоящее время существует в состоянии своеобразного парадокса, когда, имея методологический аппарат языкового анализа, она не предлагает релевантное концептуально-теоретическое объяснение языка. Действительно, непродуктивность атомистической трактовки языка показала философия лингвистического анализа, в то же время недостатки последней в трактовке языка обнаружило, в частности, развитие систем интеллектуального управления. Тогда достаточно актуальным является вопрос о том, каковы же перспективы преодоления данного парадокса или, другими словами, каковы перспективы дальнейшего развития аналитической философии языка?

Представляется справедливым утверждать, что ни философия логического анализа, ни философия обыденного языка изначально и не ставили своей целью создание какой-либо целостной теории языка, а развивали лишь отдельные теоретические воззрения на язык, позволяющие обосновать используемую методологию в анализе языка, его роли в познании. Думается, не в последнюю очередь это было обусловлено критическим отношением к метафизике, в результате чего и любые попытки обобщения рассматривались как выходящие за пределы философского исследования, объектом которого должны с этих позиций выступать факты, а не отвлеченные от них сущности. Однако именно подобная установка обусловила развитие изоляционизма в истолковании языка как в философии логического анализа, исключавшем субъектность языка из своего рассмотрения, так и в лингвистической философии, исключавшей обращение к внутренним явлениям сознания/мышления при анализе языка, в частности, потому, что взятая вне речевых проявлений категория сознания трактовалась здесь как метафизическая, пустая категория, обращение к которой только затрудняет анализ языка. Как ни странно, критическое отношение к метафизике и обобщениям сближает аналитическую философию языка со своим антиподом – философским постмодернизмом.

Критикуя метафизические и рационалистические установки философской классики, философский постмодернизм развивает оригинальный изоляционистский подход к истолкованию языка. При таком подходе фактически устраняется денотативный компонент из структуры слова-знака, когда утверждается, что знак обозначает не столько предмет, сколько его отсутствие («отсутствие наличия»), а в итоге свое «принципиальное отличие» от самого себя [15]; развивается панъязыковой характер мышления и, как следствие, объявляется теоретическая «смерть субъекта», т.е. субъект рассматривается как точка пересечения различных текстов и как не имеющий в таком случае возможности претендовать на оригинальность своих мыслей и их выражения. В постмодернизме, таким образом, язык предстает исключительно самопорождающим явлением, «бездной» хаотичных, одновременно сосуществующих часто противоположных смыслов. Ж. Деррида, например, пишет: «... Никогда ничего не существовало кроме письма, никогда ничего не было, кроме дополнений и замещающих обозначений, способных возникнуть лишь только в цепи дифференцированных референций. “Реальное” вторгается и дополняется, приобретая смысл только от следа или апелляции к дополнению. И так далее до бесконечности, поскольку то, что мы прочли в тексте: абсолютное наличие, Природа, то, что именуется такими словами, как “настоящая мать” и т.д., – уже навсегда ушло, никогда не существовало; то, что порождает смысл и язык, является письмом, понимаемым как исчезновение наличия» [16. Р. 228; цит. по: 17. С. 38; 18. С. 314]. С этих позиций проникнуть в суть связей языковых смыслов человек не в состоянии, он может их только лишь описать, используя, в частности, метод деконструкции, т.е. метод восстановления смысла текста путем обнаружения связанных с ним других смыслов, других текстов.

Хотя данные представления имеют и определенные цивилизационные основания (развитие Интернет-реальности, где особенно ярко проявляет себя феномен, названный «смертью субъекта»), и бесполезные следствия (по-

вышение внимания к проблемам интерпретации и полисемии), вместе с тем они серьезно затрудняют построение каких бы то ни было системно-теоретических конструкций языка. Постмодернистская трактовка языка приводит к тому, что в триаде язык – субъект – действительность, которая, как правило, составляет каркас любого теоретического объяснения языка, второй и третий ее компоненты – субъект и действительность – оказываются поглощены языком. В таком случае можно говорить о том, что, отталкиваясь от критики метафизики, постмодернизм парадоксальным образом формирует своеобразную метафизику языка, текста, в которой невозможно его системное, концептуальное объяснение.

Что касается аналитической философии языка, то, хотя в ней и можно отметить тенденции, ведущие к формированию метафизики языка, следует подчеркнуть тем не менее что в полном смысле слова она таковой не является. Несмотря на то, что и в философии логического анализа, и в лингвистической философии субъект и действительность представлены своеобразно, усеченно, они тем не менее не сведены полностью к тотальности языка. Это указывает на то, что аналитическая философия языка имеет внутренний потенциал для построения системных представлений о языке. В то же время возможность таких построений требует допущения оправданности и необходимости обобщенных представлений, включения области непосредственно ненаблюдаемого в анализ языка. А это означает необходимость определенной смены методологических установок в аналитической философии, которая в рамках программы критики метафизики формировала критический настрой к обобщенным конструкциям.

Следует заметить, что со второй половины XX в. такая смена уже реализуется в аналитической философии, что проявляется, например, в развитии аналитической метафизики, которая представлена, например, «дескриптивной метафизикой» П. Стросона, возможными мирами С. Крипке. О смене методологических установок в аналитической философии свидетельствует и уже упоминавшаяся теория интенциональности Дж. Серля, которая демонстрирует значимость включения в анализ языка феномена сознания, которое больше не может рассматриваться как пустое понятие, относящееся к сфере ненаблюдаемого. Как уже отмечалось, подобное включение имеет особое значение в свете проблем развития систем интеллектуального управления, а в плане построения теоретической конструкции языка оно оказывается важным, поскольку делает возможным преодоление изоляционизма в трактовке языка. Разумеется, предсказать, как именно может реализовываться такое преодоление в аналитической философии, достаточно трудно. Однако если допустить, что оно будет идти по пути концептуально-методологического синтеза, то тогда логично встанет вопрос о самоопределении аналитической философии языка как специфического способа его осмысления.

Итак, в качестве своеобразного резюме хотелось бы отметить следующее. Хотя методология аналитической философии языка отличается определенной продуктивностью в его анализе, тем не менее ее возможности в формировании некоей общей, целостной теории языка ограничены вследствие изоляционизма, свойственного вообще аналитическим представлениям о языке. Как показал проведенный в статье анализ, аналитическая философия языка

содержит внутренний потенциал для преодоления изоляционизма развиваемых в ней взглядов на язык. Не в последнюю очередь наличие такого потенциала обусловлено сменой ее методологических установок, касающихся, в частности, критики метафизики и использования суждений общего характера. Разумеется, данная смена в аналитической философии не означает возврата к классической метафизике, а подразумевает признание эвристичности метафизических построений в решении разного рода философских и научно-теоретических проблем, притом, что любое такое построение рассматривается здесь лишь как одна из возможных конструкций мира, имеющая некое инструментальное значение в его познании. Смена отношения к метафизике допускает и смену отношения к суждениям общего характера, обобщениям и делает потенциально возможным формирование общей аналитической теории языка. Однако необходимый при таком формировании концептуально-методологический синтез, объединяющий методы логического и лингвистического анализа, семиотический, информационно-кибернетический, эволюционно-генетический методы, выводит исследования языка за пределы собственно аналитической философии языка, в результате чего достаточно важной (актуальной) становится проблема самоидентификации аналитической философии как философии языка.

Литература

1. *Васильев С.Н.* От классических задач регулирования к интеллектуальному управлению. II // Известия Академии наук. Теория и системы управления. 2001. № 2. С. 5–21.
2. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 131 с.
4. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия. Логика. Язык / под ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 18–48.
5. *Рассел Б.*Descriptions // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 17. С. 24–55.
6. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Л. Витгенштейн. Философские работы. Ч. I: пер. с нем. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. С. 75–320.
7. *Чайлахян Л.М.* Искусственный интеллект и мозг (Можно ли моделировать мозг средствами искусственного интеллекта?) // Новости искусственного интеллекта. 2001. № 4. С. 29–43.
8. *Searle J.* Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 277 p.
9. *Брунер Дж.* Психология познания. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
10. *Зорина З.А., Смирнова А.А.* О чем рассказали «говорящие» обезьяны (Способны ли высшие животные к оперированию символами?) М.: Языки славянских культур, 2006. 424 с.
11. *Иваницкий А.М.* Физиологические основы сознания и проблема искусственного интеллекта // А.М. Иваницкий Искусственный интеллект: Междисциплинарный подход / под ред. Д.И. Дубровского, В.А. Лекторского. М.: ИИнтелЛ, 2006. С. 90–99.
12. *Прибрам К.* Языки мозга. М.: Прогресс, 1975. 464 с.
13. *Потебня А.А.* Мысль и язык // А.А. Потебня. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.
14. *Мальчукова Н.В.* Субъектность и исчислительность в объяснении функционирования языка // Философские науки. 2009. № 8. С. 97–112.
15. *Деррида Ж.* Позиции: пер. с фр. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2007. 160 с.
16. *Derrida J.* De la grammatologie. P., 1967. 448 p.
17. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
18. *Деррида Ж.* О грамματοлогии. М.: ad Manginem, 2000. 511 с.